

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.037

УДК 32.327

М.А. САРДАРОВА

старший преподаватель кафедры языков стран
Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России

Россия, г. Москва

E-mail: msardarova@yandex.ru

Author ID: 987434

SPIN-код: 4177-8027

Google Scholar: ntbMwKoAAAAJ

Researcher ID (Wos): PTF-1997-2026

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТА) В 2023-2026 ГОДАХ

Цель. Целью данной статьи является анализ эволюции внешнеполитической стратегии России на Ближнем Востоке и странах Северной Африки (на примере Египта) после 2022 года. Автор проводит анализ ключевых документов, определяющих позицию России в регионе: Концепции внешней политики России 2023 года, Морской доктрины 2022 года, Итоговой декларации Российско-Арабского форума в Марракеше 2023 года, и на их основе делает вывод о приоритетных направлениях Российской Федерации в отношении с исламским миром, а также прослеживает изменения в подходе к конкретным странам – Ирану, Саудовской Аравии, Израилю в контексте конфликта в Персидском заливе, начавшегося в феврале 2026 года. Кроме того, отдельный анализ посвящен особенностям развития отношений с Египтом. **Вывод.** В результате анализа автор делает вывод, что к 2026 году Россия перешла к институционализированному стратегическому партнерству с Ираном, подтверждающегося 20-летним соглашением. При этом Москва сохраняет прагматичные контакты с Саудовской Аравией, другими монархиями Персидского залива и Израилем, несмотря на охлаждение отношений. В нормативных документах исламский мир рассматривается как равноправный партнер в вопросе формирования полицентричной системы международных отношений. К середине 2026 года Ближний Восток становится для России регионом избирательного, ресурсно-ориентированного присутствия. Укрепление связей с Ираном и поддержание отношений с арабскими государствами и углубление сотрудничества с Египтом в атомной и зерновой сферах. Это свидетельствует о формировании прагматичной модели, где ключевую роль играют долгосрочные контракты и военно-технические альянсы. Дальнейшее развитие зависит от способности России балансировать между обязательствами

перед Тегераном и диалогом с арабскими странами, а также от исхода военных действий в зоне Персидского залива.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, Северная Африка, Египет.

Введение. В иерархии современных внешнеполитических приоритетов России Ближний Восток традиционно занимает особое место. Москва, реализуя свои интересы, действует в регионе достаточно гибко, отдавая приоритет собственным стратегическим целям на международной арене.

Проводя прагматичную внешнюю политику, в представлении государств Ближнего Востока, Россия пытается создать образ сильной и надежной политической силы, которая для стабилизации ситуации в регионе и урегулирования конфликтных ситуаций, находясь в условиях современного полицентричного мира, способна оперировать как дипломатическими методами, так и при необходимости прибегать к силовым.

С точки зрения иерархии внешнеполитических приоритетов современной России, закреплённой в основополагающих внешнеполитических документах, «Ближний Восток занимал место за США, Европой, КНР и ведущими азиатскими государствами» [2]. Вместе с тем, современная внешнеполитическая логика России предусматривает достижение страной утраченного статуса и амбиций на международной арене, что «неоднократно находило подтверждение со стороны политического руководства» [1]. Так, оценивая роль страны на международной арене в ходе своего выступления на Валдайском форуме-2016, Владимир Путин подчеркнул следующее: «Стран, которые, как Россия, могут опереться на тысячелетнюю историю, в мире немало, и мы научились ценить свою идентичность, свободу и независимость. При этом мы не стремимся ни к глобальному доминированию, ни к экспансии какой-то, ни к конфронтации с кем бы то ни было» [11].

В аналогичном духе президент высказался по вопросу современного мирового лидерства в статье «Время, чтобы доверять России, общий фронт против террора», опубликованной итальянской газетой «Стампа» (La Stampa): «В нашем понимании настоящее лидерство сегодня заключается не в том, чтобы выдумывать эфемерные угрозы и, спекулируя на них, пытаться поднять под себя остальных, а в том, чтобы видеть реальные проблемы, содействовать объединению усилий государств в их решении. И именно так Россия понимает сегодня свою роль в мировых делах» [10].

Россия и исламский мир: стратегическое партнерство и инструменты влияния. Говоря о нынешней ситуации и о месте исламского мира в Концепции внешней политики России от 31 марта 2023 года, следует отметить, что регион рассматривается как совокупность стратегических союзников, так и площадка для диалога. Исходя из вышеупомянутого можно выделить четыре ключевые роли. В первую очередь, Россия намерена активно сотрудничать с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, подавляющее большинство из которых входит в Организацию исламского сотрудничества, для создания «устойчивой всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности» [7]. Исламский мир здесь предстает как равноправный партнер, с которым Россия

готова выстраивать новые механизмы коллективной безопасности, альтернативные западному доминированию, например, через продвижение собственной Концепции для зоны Персидского залива.

Во-вторых, исламские государства интегрированы в российскую стратегию через поддержку «дружественных многосторонних институтов» [7], таких как ЛАГ и ССАГПЗ. Это означает, что Россия рассматривает исламские региональные объединения как легитимные и необходимые элементы формирующегося полицентричного мира, через которые можно продвигать российские интересы без участия западных стран.

В-третьих, Концепция напрямую связывает взаимодействие с исламскими союзниками и партнерами в сфере контртеррористической деятельности с оказанием практического содействия и защитой христиан на Ближнем Востоке, что свидетельствует о том, что Россия позиционирует себя как защитница христианских меньшинств в исламских странах, одновременно координируя с этими же странами антитеррористические усилия. Таким образом, исламский мир выступает и как зона гуманитарной ответственности России.

Наконец, в Концепции акцентируется внимание на содействии урегулированию и преодолению последствий вооруженных конфликтов в регионах, «в которых расположены государства-члены Организации исламского сотрудничества» [7]. Россия официально закрепляет за собой роль гаранта стабильности и модератора в конфликтных зонах, находящихся в пределах исламского мира, например, на Ближнем Востоке.

Таким образом, Россия выстраивает с исламскими государствами и их объединениями прагматичный, многоуровневый диалог, охватывающий вопросы безопасности, контртеррора, энергетики и гуманитарной защиты. При этом акцент делается на «объединении потенциалов» и отказе от навязывания внешних моделей, что должно укреплять доверие со стороны мусульманского мира.

Кроме того, ранее в 2022 году была принята Морская доктрина Российской Федерации. Согласно доктрине развитие отношений с прибрежными государствами Красного моря определяется как приоритет для развития морских перевозок, который должен способствовать «экономической независимости и национальной безопасности России» [8]. Создание военно-морского присутствия в Красном море также названо приоритетной задачей, в частности, для облегчения доступа России к Персидскому заливу и Индийскому океану. Это включает использование инфраструктуры стран региона и «объектов материально-технического обеспечения» [8]. Наконец, Красное море упоминается в качестве приоритета национальной морской политики на Индоокеанском региональном направлении.

Рассмотрим еще один документ, подписанный в 2023 году по итогам шестой сессии Российско-Арабского форума сотрудничества на уровне министров иностранных дел в Марракеше. На основе анализа итоговой декларации следует отметить, что геостратегические интересы России на Ближнем Востоке проявляются по четырем ключевым направлениям.

Во-первых, Россия стремится закрепить за собой роль «незаменимого внешнего гаранта» палестинского урегулирования. В вопросе палестинского урегулирования Россия поддерживает арабскую позицию, которая выражается в поддержке прав палестинцев на самоопределение, возвращении беженцев «согласно резолюции ГА ООН № 194, создании государства в границах 1967 года со столицей в Восточном Иерусалиме, требовании прекращения оккупации всех арабских территорий, включая сирийские Голанские высоты и ливанские земли, а также поддержку получения Палестиной статуса полноправного члена ООН» [5]. В этой связи геостратегический смысл заключается в том, что Россия позиционирует себя как альтернативу США в мирном процессе, выступая с позиций, максимально близких к арабским и исламским (ЛАГ, ОИС), стремясь к укреплению доверия арабских стран и статуса ключевого внешнего игрока в этом регионе. Призыв к созданию «международного посреднического формата» с лидирующей ролью государств Ближнего Востока, ЛАГ и ОИС может представлять собой вызов американской монополии в вопросе ближневосточного урегулирования.

Во-вторых, Россия реализует стратегию противодействия израильской и американской повестке через институты ООН. В Декларации звучит призыв к проведению международной конференции по мирному урегулированию на основе международного права и Арабской мирной инициативы 2002 года. Здесь Россия стремится вернуть палестинский вопрос в «правовое поле» ООН, где она обладает правом вето, тем самым, открывая возможность для выведения вопроса из «силового поля», где доминируют США и Израиль. Это позволяет Москве сдерживать односторонние действия Израиля, включая аннексии, укреплять связи с арабскими странами и использовать палестинскую тему как рычаг давления на Вашингтон в других геополитических противостояниях.

В-третьих, арабские страны совместно с Россией подтверждают приверженность созданию зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, «призывают Израиль и другие страны, не являющиеся участниками ДНЯО, стать его членами» [5]. Геостратегический смысл данного положения заключается в продолжении российской стратегии «ядерного сдерживания» на Ближнем Востоке. Россия как одна из ведущих ядерных держав и постоянный член СБ ООН получает легитимную площадку для влияния на региональную ядерную архитектуру; продвигая идею зоны свободной от ядерного оружия. Косвенно Россия оказывает давление на Израиль (союзника США) и одновременно поддерживает союзнические отношения с Ираном, поскольку формально выступает за ликвидацию всех видов ОМУ в регионе. Кроме того, участие в этой конференции через председательство различных арабских стран предоставляет возможности России координировать позиции с арабским миром по ядерным вопросам, не вступая в прямую конфронтацию с Западом.

В-четвертых, Россия нацелена на укрепление многосторонних институтов под эгидой «Россия – арабский мир». Декларация подтверждает намерение развивать двусторонние и многосторонние связи в политической, экономической и культурной областях, а также расширять «плодотворное партнерское взаимодействие» между Россией и ЛАГ. Тем самым, «Российско-арабский форум сотрудничества» рассматривается Москвой как институциональная основа

для координации голосований в ООН и других международных организациях по вопросам, где интересы России и арабских стран совпадают: противодействие санкциям, критика вмешательства Запада, защита традиционных ценностей, для создания альтернативных западным механизмов экономического и военно-технического сотрудничества, а именно: расчеты в национальных валютах, совместные проекты в энергетике, поставки российского оружия, а также для формирования общего нарратива о несправедливости современного мирового порядка, где доминирует Запад.

Таким образом, исходя из анализа итоговой декларации, геостратегические интересы России на Ближнем Востоке состоят не столько в получении конкретных территориальных или ресурсных выгод, сколько в изменении самой конфигурации власти в регионе. Россия стремится укрепить свое влияние в регионе, заместив США в роли главного внешнего арбитра – не столько путем прямого военного присутствия, сколько через поддержку коллективной позиции арабских и исламских государств; поддерживать антизападный альянс с арабским миром, используя площадку «Россия – ЛАГ» как противовес западным структурам (НАТО, ЕС, «квартет» по Ближнему Востоку); перенести решение ключевых региональных проблем (палестинской, ядерной, сирийской) из формата, контролируемого США, в многосторонние форматы под эгидой ООН, где у России есть право вето и поддержка арабского большинства, а также укрепить свой статус «государства-цивилизации», защищающего традиционные ценности, права христиан и справедливость для мусульман, тем самым создавая идеологическую основу для долгосрочного партнерства с исламским миром. Для России Ближний Восток является не просто источником энергоресурсов или рынком сбыта оружия, а одним из ключевых регионов, в котором возможно разрушить однополярный мир и утвердить полицентричную систему международных отношений, где Россия стремится занять одну из лидирующих ролей наравне с арабским и исламским миром.

Российско-иранское стратегическое партнерство в условиях ирано-израильской конфронтации 2026 года: переход от политики сдерживания к альянсу. В отношении конфликта в Персидском заливе, начавшегося после ударов США и Израиля по Ирану 28 февраля 2026 года, следует подчеркнуть, что Россия заняла четкую позицию. Москва призывает к немедленному прекращению агрессии против Ирана, которая, по мнению российского руководства, «угрожает всем странам Персидского залива и безопасности навигации» [4]. Глава МИД России Сергей Лавров неоднократно подчеркивал, что «Россия отстаивает интересы не только Ирана, но и своих партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые также пострадали от эскалации» [15]. В ирано-израильском конфликте Кремль играет роль сбалансированного посредника, выступая за переговоры с участием всех заинтересованных сторон, включая США и Пакистан. Россия совместно с Китаем и Турцией готова содействовать урегулированию [3; 13] продвигая идею о необходимости выработки «концепции коллективной безопасности в Персидском заливе, учитывающей баланс интересов Ирана и арабских государств» [6; 15].

Что касается отношений с конкретными странами в арабском мире, то Россия и Иран в январе 2025 года подписали 20-летнее соглашение о стратегическом партнерстве [14], которое закрепляет военно-техническое сотрудничество и совместное противодействие санкциям, что делает устаревшими любые упоминания о разрыве контрактов по требованию Израиля. С Саудовской Аравией Москва сохраняет прагматичные контакты: министры иностранных дел регулярно созваниваются для координации позиций по деэскалации, демонстрируя беспрецедентный уровень взаимодействия, несмотря на различия в подходах. В израильском вопросе риторика России также ужесточилась: Москва критикует действия США и Израиля, называя их «безрассудной агрессией». Однако, учитывая наличие русскоязычной диаспоры в Израиле и прагматизм обеих сторон, полного разрыва отношений не происходит, хотя они переживают серьезное охлаждение из-за ударов по иранской инфраструктуре.

Египетское направление во внешней политике России. Рассмотрим особенности отношения российской внешней политике к отдельным странам на пространстве Ближнего Востока и Северной Африке. В отношении с Египтом Россия планирует расширять торговлю продовольственными товарами и развивать ядерную энергетику. Москва продолжает оставаться основным экспортером зерна в Египет, и в 2026 году обсуждается создание «крупного российского зернового и энергетического хаба» [9] в Египте для снижения зависимости от западных финансовых механизмов. Данная инициатива была предложена Президентом России Владимиром Путиным на встрече с Министром иностранных дел Египта Бадром Абдель Аты в Кремле. В качестве доказательства следует отметить слова замминистра иностранных дел России Г.Е. Борисенко, утверждающего, что «в 2025-м Россия поставила в Египет более 8 млн т пшеницы и способна экспортировать больше. В том же году урожай этой культуры в России оценивали примерно в 88,4-88,5 млн т.» [12]. Таким образом, Россия была и остается крупнейшим экспортером пшеницы в мире.

В области энергетического сотрудничества Росатом строит в Египте АЭС «Эль-Дабаа». Первый энергоблок атомной электростанции планируется ввести в эксплуатацию в 2028 году, а выход станции на полную мощность ожидается к 2030 году. Египет рассматривает атомную генерацию как ответ на быстрорастущий спрос на электроэнергию, поскольку в энергосистеме страны уже фиксировался дефицит резервов. По словам финансового эксперта Александра Кудряшова, «Египту сейчас требуются решения по газовой инфраструктуре, СПГ, электросетевому хозяйству и альтернативной генерации, так как страна одновременно наращивает внутреннее потребление и сохраняет курс на роль восточно-средиземноморского энергетического центра» [12]. Тем самым АЭС служит источником базовой мощности, снижающим нагрузку на газовый баланс. Российский политолог Илья Марголин добавляет, что «атомная генерация в перспективе способна высвобождать часть газа для экспорта и промышленного использования» [12]. Исходя из вышеупомянутых сфер сотрудничества России и Египта, можно сделать вывод, что российско-египетские отношения направлены на развитие и поддержание долгосрочного сотрудничества, о чем

свидетельствует стремление обеих стран поддерживать и наращивать торговые и энергетические связи.

Заключение. Подводя итог российской внешней политике на Ближнем Востоке и Северной Африки (с акцентом на Египет) в 2023–2026 годах, можно утверждать, что за этот период произошла существенная корректировка как концептуальных основ, так и позиции России. Если в Концепции 2023 года и в декларациях Российско-Арабского форума делался акцент на формировании «всеобъемлющей архитектуры региональной безопасности» при ведущей роли самих государств Ближнего Востока и России как равноправного партнера, то события февраля-марта 2026 года – удары США и Израиля по Ирану – заставили Россию перейти к более жесткой позиции.

Подписанное в январе 2025 года российско-иранское соглашение о стратегическом партнерстве стало юридической основой для военно-технического и антисанкционного сотрудничества. В то же время Россия демонстрирует умение вести отдельные переговоры с Саудовской Аравией и другими членами ССАГПЗ, подчеркивая, что отстаивает свои и их интересы наряду с иранскими. Такая многовекторность, однако, имеет свои ограничения: в израильском вопросе риторика России заметно ужесточилась, хотя полного разрыва не произошло благодаря сохранению русскоязычной общины и взаимной экономической заинтересованности.

Отдельного внимания заслуживает египетское направление. Здесь Россия делает ставку на долгосрочные проекты, не зависящие напрямую от колебаний политической конъюнктуры вокруг Ирана. Строительство АЭС «Эль-Дабаа» и сохранение статуса крупнейшего поставщика зерна формируют базу для устойчивого присутствия в Северной Африке, даже если другие составляющие ближневосточной стратегии столкнутся с трудностями. Запуск первого блока в 2028 году и выход на полную мощность к 2030 году позволит Египту высвободить природный газ для экспорта, что совпадает с интересами России как одного из лидеров мирового энергетического рынка.

Таким образом, к середине 2026 года Ближний Восток остается для России пространством для избирательного, ресурсно-ориентированного присутствия. Москва укрепляет союз с Ираном, поддерживает отношения с арабскими государствами и наращивает сотрудничество с Египтом в атомной и зерновой сферах. Такая конфигурация позволяет говорить о формировании новой, более прагматичной модели российской политики в регионе, где преобладают долгосрочные контракты и военно-технические союзы. Дальнейшее развитие событий будет зависеть от того, насколько эффективно России получится балансировать между своими обязательствами перед Тегераном и необходимостью поддерживать диалог с арабскими странами, а также от исхода военных действий в зоне Персидского залива.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бажанов Е.П.** Эволюция российской внешней политики (1991-1999 гг.). Москва, 1999.

2. **Бажанов Е.П.** Куда идет человечество? / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова // Мир и политика. 2009. № 6 (33). С. 14.
3. **Гончаров С.В.** Пересечение стратегических интересов России и Турции // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 3 (115). С. 1015-1024. DOI 10.35775/PSI.2025.115.3.027. EDN TLQBZA.
4. Заявление МИД России о событиях в Персидском заливе // Международная жизнь. 2026 // <https://en.interaffairs.ru/article/russian-foreign-ministry-statement-on-developments-in-the-persian-gulf/> (дата обращения: 11.05.2026).
5. Итоговая декларация шестой сессии Российско-Арабского форума сотрудничества на уровне министров иностранных дел, Марракеш, Королевство Марокко, 20 декабря 2023 года // МИД России. 2023 // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/liga-arabskih-gosudarstv-lag-/1922267/ (дата обращения: 11.05.2026).
6. **Карпович О.Г.** Турция: политика, экономика, безопасность / О.Г. Карпович, Р.Н. Шангараев, С.В. Гончаров. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2026. 282 с. EDN ZZZEVC.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 2023 // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 11.05.2026).
8. Морская доктрина Российской Федерации // МИД России. 2022 // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/ (дата обращения: 11.05.2026).
9. Путин предложил главе МИД Египта создать зерновой и энергетический хаб // Российская газета. 2026 // <https://rg.ru/2026/04/02/putin-predlozhil-glave-mid-egipta-sozdat-zernovoj-i-energeticheskij-hab.html> (дата обращения: 11.05.2026).
10. Путин рассказал о роли России в мире в статье для La Stampa // Российская газета. 2016 // <https://rg.ru/2016/11/27/vladimir-putin-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-mire-v-state-v-la-stampa.html> (дата обращения: 11.05.2026).
11. Путин: Россия ни на кого нападать не собирается // Российская газета. 2016 // <https://rg.ru/2016/10/27/vladimir-putin-rossia-ni-na-kogo-napadat-ne-sobiraetsia.html> (дата обращения: 11.05.2026).
12. Хлебный знак: РФ и Египет приблизились к созданию зернового хаба / В. Петров // Известия. 2026 // <https://iz.ru/2073678/vladislav-petrov/rf-i-egipet-priblizilis-k-sozdaniyu-zernovogo-haba> (дата обращения: 11.05.2026).
13. **Шангараев Р.Н.** Интеграционные процессы России, Китая и Турции в Центральной Азии / Р.Н. Шангараев, А.С. Ивочкина // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 2. С. 146-152. DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-2-146-152. EDN OABVJN.
14. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран // Интернет-сайт Президента России. 2026 // <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 11.05.2026).

15. Lavrov says Russia defends all Mideast countries' interests, slamming U.S. interference // China.org.cn. 2026 // http://www.china.org.cn/world/Off_the_Wire/2026-03/27/content_118405658.shtml (accessed: 11.05.2026).

М.А. САРДАРОВА

Senior Lecturer at the Department of Languages
of the Middle East Countries of MGIMO University
Moscow, Russia

Author ID: 987434

SPIN code: 4177-8027

Google Scholar: ntbMwKoAAAAJ

Researcher ID (Wos): PTF-1997-2026

CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA (AS AN EXAMPLE OF EGYPT) IN 2023-2026

Objective. The objective of this article is to analyze the evolution of Russia's foreign policy strategy in the Middle East and North Africa (with a case study of Egypt) after 2022. The author examines key documents defining Russia's position in the region – the 2023 Foreign Policy Concept, the 2022 Maritime Doctrine, the Final Declaration of the Russian-Arab Forum in Marrakesh (2023) – and on their basis draws conclusions about the priority areas of the Russian Federation's policy towards the Islamic world, as well as traces changes in the approach to specific countries – Iran, Saudi Arabia, Israel – in the context of the Persian Gulf conflict that began in February 2026. In addition, a separate analysis is devoted to the specifics of developing relations with Egypt. **Conclusion.** Based on the analysis, the author concludes that by 2026 Russia has transitioned to an institutionalized strategic partnership with Iran, confirmed by a 20-year agreement. At the same time, Moscow maintains pragmatic contacts with Saudi Arabia, other Gulf monarchies, and Israel, despite a cooling of relations. In its normative documents, Russia views the Islamic world as an equal partner in shaping a polycentric system of international relations. By mid-2026, the Middle East has become a region of selective, resource-oriented presence for Russia. This is evidenced by the strengthening of ties with Iran, the maintenance of relations with Arab states, and the deepening of cooperation with Egypt in the nuclear and grain sectors. This points to the formation of a pragmatic model in which long-term contracts and military-technical alliances play a key role. Further developments will depend on Russia's ability to balance its commitments to Tehran with dialogue with Arab countries, as well as on the outcome of military actions in the Persian Gulf.

Key words: Russia, Middle East, North Africa, Egypt.